

Вот уже восьмой год литературно-публицистический журнал «Эмигрантская лира» публикует статьи о русскоязычной поэзии в разных странах мира. Дошла очередь и до Италии. Казалось бы, Италия хорошо увязывается с темой именно *эмигрантской* лиры. Данте, бывший изгнанником в своём отечестве. Шелли, бежавший с родины и погибший именно в Италии. Наши великие творцы, не мыслившие себя без Италии или получившие в ней импульс – Гоголь («о России я могу писать только в Риме»), Баратынский, Герцен, Блок, Бердяев, Гумилёв, Бунин, и так далее, и так далее. Вячеслав Иванов, перешедший в католичество и умерший в Риме. Бродский, обретший здесь своё последнее пристанище. В Италии впервые был напечатан «Доктор Живаго», в Италии Ахматовой дали литературную премию «Этна-Таормина». Тогда почему моей первой реакцией на предложение написать такую статью было – «для меня это почти равносильно просьбе написать что-нибудь о Марсе»? Почему, зная многих русских поэтов, живущих далеко от меня – в Канаде, США, Германии, Австралии – в Италии я не знала никого?

---

¹ Для простоты под русской поэзией подразумеваем русскоязычную; русскими поэтами называем поэтов, пишущих по-русски.

Потому, что в сегодняшней Италии их действительно почти нет. Почти. Поиски привели меня к шести поэтам, о которых я хочу написать, плюс седьмой – автор этих заметок (но я воздержусь от автопортрета). Практически столько же – в маленькой Дании, статья о которой вышла в предыдущем номере; и, кажется, все они знают друг друга. В Дании к тому же проводились поэтические фестивали, вечера, есть поэтический семинар, выходит литературный журнал «Новый берег», входящий в «Журнальный зал». Не то в Италии. Мы поразмышляем о причинах. Зато в Италии активно исследуют, переводят, издают и привечают современных русских поэтов, это огромный пласт, и об этом мы тоже поговорим!

Второй аспект, которого важно коснуться – что означает Италия (страна-символ! страна-вдохновение!) для современных русских поэтов, каким метаморфозам подверглось отношение к ней. По-прежнему ли это «Элизий земной», «рай небесный», каким она была для Баратынского, Батюшкова и их современников – да что там: и весь XX век? Для этого нам понадобится заглянуть в прошлое, насколько позволят рамки очерка. С этого и начнём.

Немного истории. Образ Италии

«Италия – роскошная страна!
По ней душа и стонет и тоскует.
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует».

Н. Гоголь, «Италия», 1829

«Иногда мне хочется уехать в Италию, не в политическую Италию и не в географическую, а в некую умопостигаемую Италию, под ясное не физическое небо и под чудное, одновременно физическое и не физическое солнце...».

К. Вагинов, «Гарпагониада», 1933

Культурные связи Италии и России ведут нас в XIV-XV века, когда появилась идея «Москва – Третий Рим», выдвинутая в трудах митрополита Зосимы и старца Филофея, и когда для застройки Москвы были приглашены итальянские мастера. В период Смутного времени связи были нарушены и возобновились в XVII веке с дипломатическими миссиями русских послов. Дипломат Иван Чемоданов в 1656 г. был послан в Венецию и оставил подробный «статейный список», где в числе прочего восхищался пейзажами и художественными ценностями Италии. В петровские времена дипломат и архитектор Юрий Кологривов покупал в Италии произведения искусства – например, некоторые античные статуи для Летнего сада (а всего свыше сотни

скульптур), а также организовывал первые поездки в Италию русских художников и архитекторов, царских стипендиатов. Начал складываться образ Италии в русском искусстве.

Перейдём же к поэзии! В рамках данного очерка я могу лишь пунктиром наметить преобладающую тему, поэтому неизбежны упрощения. Но не написать о ней хотя бы в общих словах нельзя, она важна для понимания поэзии сегодняшней.

В 1810-20 гг. интерес к литературе и истории древнего Рима окружил Италию ореолом величественных исторических и художественных традиций (см., например, стихотворения Баратынского «Рим» и «Княгине З.А. Волконской»). Тогда же воцарились и упоение, романтизация этой земли.

В 1830-40 гг. в пику овладевшей Россией и Европой духу промышленности и утилитарной полезности Италия воспринималась как страна, которая «взяла на долю свою все сокровища идеального мира фантазии; почти совершенно чуждая всем приманкам роскошной промышленности современной, она в жалком рубище нищеты сверкает своими огненными глазами, очаровывает звуками, блещет исторической красотой, гордится своим минувшим... Италия с благородным самоотвержением переносит нас из мира корыстной сущности в мир наслаждений чистых» (С.П. Шевырёв) – эта цитата нам ещё пригодится.

Образ страны-рая, страны-мечты тянется в русском мифопоэтическом пространстве через весь XIX-XX век! Исследователями это очень подробно разработано, поэтому вмещу 150 лет в одну цитату Мандельштама (1937). Тоска по мировой культуре тоже связывалась с мечтой об Италии:

И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Эту мечту, вечное стремление (вечное возвращение) в Италию мы застаём вплоть до конца XX века. У литературоведа Елены Невзглядовой читаем: «Друзья Иосифа Бродского вспоминают, как, будучи ещё безвестным мальчишкой, рассматривая альбом фотографий Венеции в пыльном ленинградском скверике на скамейке, Бродский воскликнул: “Я буду там!” Никаких реальных оснований к этому не было. Наоборот, поверить в это было невозможно. <...> Своё первое стихотворение о Венеции Александр Кушнер написал именно тогда, когда на путешествие туда не было никаких надежд, и написал так, как будто он там был; то есть тешил себя мечтой...».

Я был в Риме. Был залит светом.
Так, как только может мечтать обломок!
На сетчатке моей – золотой пятак.
Хватит на всю длину потёмок.

И. Бродский

Где мы? В Риме! Мы в Риме. Мы в нем. Как он жёлт, кареглаз!
Мы в пылающем Риме вдвоем. Повтори еще раз.
Как слова о любви, повтори, чтоб поверить я мог
В это солнце, в крови растворенное, в ласковый рок.

А. Кушнер

Как же преобразуется образ Италии в новейшей поэзии? Преимущество и преобразование этого образа в русской поэзии XXI века достойны глубоких литературоведческих штудий – не сомневаюсь, что они уже ведутся. Я только намечу одну из возможных линий.

У Анатолия Наймана можно подметить такой вектор: от центрального – к товарному, сортировочному. Возможно, это путь не только великой империи, но и путь слова, утрачивающего ценность (к этой мысли Найман обратится потом в заключительном стихотворении итальянского цикла).

И вот что: у Тибра спроси, как дойти до По.
– С вокзала, – сострит, – от Рима Центрального вдоль пути
на Рим Товарный, на Сортировочный, на Депо...
– Ах, только бы не на Третий, – ты пошутит.

Впрочем, «всеевропейскую жёлтую пыль», «пыль торговой толчеи» находим ещё у Блока (см. стихотворение «Флоренция», 1909). Однако сейчас такие голоса слышны куда чаще, а блоковское «ты ирис нежный» или «младенец у сонной вечности в руках» сменяют «здоровенный ангел» и «византийский обморок» Льва Лосева:

Далее – марево желтое,
море цвета гангрены
и довольно тяжелая
индустрия Равенны.
ЛЭПы, шоссе, ирригация,
газо- и нефтепровод.
Цивилизация-гадина
воет, гудит, ревет.

(Вспомните теперь приведённую выше цитату Шевырёва: «чуждая всем приманкам роскошной промышленности...», 1841). В

стихах же Тимура Кибирова Рим просто-напросто назван «нелитературогеничным» – хотя и с оговоркой «как и вся эта жизнь». Что ж, он самокритичен. А вот отрывок из стихотворения «Метро Макдональд» Александры Петровой, живущей в Риме, и с её строками мы перейдём в следующую часть заметок:

В шесть утра набивались в вагоны
дрёмой раненные наповал:
африканцы, китайцы, албанцы,
украинцы. Кого не назвал?

Так теперь выглядят подземки европейских столиц, и о каком городе речь – так ли уж важно?

Портреты. Русские поэты, живущие в Италии

«Дом поэта – язык».

Чеслав Милош о Бродском

Я начала эти заметки с того, что русских поэтов живёт в Италии мало, и они не связаны друг с другом. В ходе подготовки очерка мне удалось с ними пообщаться (с кем-то по телефону, с кем-то в письме). При всей разности их судеб и почерка они сошлись в одном: никто из них не чувствует «потребности в диаспоре», не тяготеет к «соплеменникам-эмигрантам». Приведу прямую речь: «Нет русского землячества» (Эвелина Шац); «Русскоязычная поэзия в Италии? Я не отношу себя ни к каким ячейкам, тем более по типу проживания. Я просто русский поэт, поэтому мой контекст – это исключительно актуальные современные поэты, пишущие на русском языке» (Александра Петрова). «Быть русским поэтом, где бы то ни было. <...> Я не эмигрант: это понятие умерло с Берлинской стеной» (Лилия Виноградова).

Большинство из тех, о ком пойдёт речь, живо вписаны в итальянский и общемировой культурный контекст. Итак...

Эвелина Шац! С этой женщиной-легендой, в дом которой были вхожи Андрей Тарковский, Юрий Любимов, Евгений Евтушенко, Николай Бонуа, я познакомилась благодаря Евгению Голубовскому – культурологу, литературоведу, вице-президенту Всемирного клуба одесситов. Эвелина тоже родом из Одессы, а в Италии она живёт с 1960 года. Я бы хотела предоставить слово самому Евгению Михайловичу, ибо он сформулировал то, что очень важно для понимания творчества Эвелины: «С первых лет вхождения в жизнь Италии Эвелина начала

сотрудничать с итальянскими мастерами – с Эдуардо де Филиппо и Карло Лиццани. Судьба сводит ее с Федерико Феллини в одной из книг, посвященных театру "Ла Скала", где их статьи стоят рядом. <...> Приехав в Милан, буквально с первых дней Эвелина начала собирать русское искусство. У антикваров она находила малоизвестных в Италии К. Коровина, В. Бакшеева, В. Васнецова. Она писала для итальянских журналов о русских народных промыслах, открыла итальянскому читателю Талашкино и его мецената – княгиню Тенишеву. В её коллекции уживаются классика и авангард, Россия и Италия. Потому что *русский дом не означал малопродуктивную ностальгию. Это было осознанное желание соединить Запад и Восток, сплавить их не только в своем духовном мире, но и в образе жизни*» (курсив мой).

Своё первое стихотворение Эвелина Шац написала в 1968 г., и было оно на итальянском. Её первый сборник стихов был представлен на Биеннале-78 в Венеции. Эвелина большое значение уделяет поэтической графике: её книги – чудо полиграфии, а иногда и чудо рукотворного искусства. Спустя 30 лет после первого итальянского стихотворения Эвелина стала писать стихи и по-русски. «В итальянскую поэзию я вношу ритмичность и беглую рифму русской поэзии, которую итальянская утратила лет сто назад. А в стихах на русском я часто использую новую рифму, не классическую. Могу начать стихотворение в одной манере, а кончить в другой...» (из интервью журналу «Лехаим»).

Эвелина Шац – не только поэт: она эссеист и искусствовед, художник и перформер, режиссёр и сценограф, и переводчик, например, Хлебникова на итальянский (каторжный труд!). Все грани творчества этой удивительной женщины отразить в рамках этих заметок невозможно, я приглашаю вас в её мир – мир человека, который

...он всё ещё творит и по звезде шагает
и от звезды к звезде грамматику слагает

Александра Петрова живёт в Риме с 1998 года. Её выбор городов (Петербург – Иерусалим – Рим) – тоже дар, как отметил в предисловии к её книге «Вид на жительство» Александр Гольдштейн. Александра окончила филологический факультет Тартуского университета, она автор ряда научных работ – прежде всего, по творчеству русского прозаика первой половины XX века Леонида Добычина. Стихи Александры переведены на английский, немецкий, словацкий, словенский, португальский языки, а на итальянском и сербском выходили отдельной книгой. Она также переводила итальянскую поэзию и философию. В 2016 году вышел её роман «Аппендикс», который тесно связан с Италией, её историей; один из его героев – Рим,

где и развёртывается действие. Роман стал лауреатом премии Андрея Белого в номинации «Проза».

Сквозной темой поэзии Александры Петровой часто называют «путешествие, отъезд, расставание, покинутость, чужую землю», «опыт перемены мест... чужие края, пропитанные собственной историей», «вечный бег, вечное движение» (Елена Фанайлова, Стефани Сандлер, Галина Ермошина – в предисловиях и рецензиях к её поэтическим сборникам):

Морок отречения и жажды,
Тверди раскалённый зев.
Так и я очнусь однажды
под чужим наречьем нараспев.

Лилия Виноградова живёт в Италии с 1989 года. «Это было односекундное решение. Мы были на гастролях и вдруг решили не возвращаться в Москву». Лилия поступила в Миланский государственный университет, защитила диплом по теме эссеистики Иосифа Бродского. Её научным руководителем был Фаусто Мальковати – славист, друг Бродского, которому Бродский посвятил стихотворение «Иския в октябре».

Другая ипостась Лилии связана с музыкой. Это тексты ко многим песням Дмитрия Маликова, Игоря Крутого и других популярных исполнителей. Она автор текстов на русском, французском, итальянском, английском к проектам Игоря Крутого с выдающимися оперными певцами Дмитрием Хворостовским, Анной Нетребко и Юсифом Эйвазовым. Кроме того, Лилия – автор и ведущая цикла радиопередач «Концертмейстер. Мастер концерта» на радио «Орфей» и ведущая цикла телевизионных программ «Россия. Далее везде» на телеканале ОТР.

Третья ипостась Лилии Виноградовой – перевод: и синхронный, и литературный. Она перевела с итальянского и подготовила к публикации в Москве книги Орианы Фаллачи «Ярость и гордость» и Алессандро Фаббри «Мухи в Голливуде». «Надо как можно лучше говорить на любом языке, за который берёшься, – сказала она в телефонной беседе. – Это относится не только к поэтам».

Вроде бы вечно родина –
Музыка и язык.
Но, проступая, кровь видна
Сквозь не свои азы.

Андрей Костин окончил Суворовское училище и Военный институт иностранных языков в Москве, прослужил около года

военным переводчиком (французский и английский языки). Жил в Париже, изучая экономику и финансы, а теперь живёт в Милане. Италия ощутима в самом названии его раннего сборника «Immaginaria» (1999), но есть в его творчестве и французские мотивы (поэма «Серж и Джейн»), и общечеловеческие. В сдержанных стихах Андрея Костина нередко сквозит мотив ухода времени:

Милан ушедший, где текла вода,
когда сплавляли мрамор для собора...

или –

Осядет звук из чужеродных смыслов,
и в нём крошится наш Медиоланум.

Наталья Пейсонен перебралась в Италию недавно, до этого много лет жила в Финляндии; её творческий псевдоним – @evapishet. Наталья – выпускница ГИТИСа, автор двух книг стихов (вторая, «Ева пишет стихи», вышла в Москве год назад), проводит поэтические концерты. Наталья дважды становилась финалистом конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий», проводившегося в Риме; мы подробнее поговорим о нём в следующей части этих заметок. Даниил Чкония назвал стихи Натальи «поэтическими исповедальными монологами, пронизанными доверием к своему читателю»:

...Мне сладко и невыносимо
пребывать здесь одной среди праздничной пестрой толпы,
среди шепота, шума и шороха шелковой ткани,
а над Тибром покорно по-прежнему дремлют мосты
и покорно хранят чьи-то вечные страшные тайны.

Степан Фрязин – «младшее альтер эго итальянского слависта Стефано Гардзонио, с которым он находится в постоянной борьбе и соревновании. Живёт на ПМЖ в Италии: г. Цветоград, Флоренция» (из автобиографии). Вот что Степан рассказал мне: «Я долгие годы занимался литературоведением и, в частности, русским стиховедением. Нельзя постоянно говорить о теории любви без практики. Правда, сначала я стал писать прозой. Получил даже литературную премию «Глобус»... Потом вышла повесть «Рабыня кудрявая» и несколько эссе. Дальше подумал, почему бы и нет? Попробуем стихами. Так вышла первая книга. Сначала создал фейк-поэта Степана Фрязина. Даже не создал, а вышло так. В 1977 г. был у нас А. Галич, подарил мне свою пластинку и меня назвал Стенькой (подразумевая Разина, так и в его дарственной надписи). От Разина к Фрязину два шага...».

Стихи Степана, как отметил Сергей Завьялов в предисловии к его книге «Избранные безделки» – сложный сплав речи с жестикуляцией, улыбками, гримасами, не до конца «переваренными» чужими репликами. «Трогательно-неуклюжий язык и есть язык современного человека, степень отчуждения которого от культуры и самого себя не могла быть даже помыслена Гегелем, впервые открывшим эту проблематику». Он же метко заметил, что крах всего, связанного с понятиями о возвышенном и прекрасном, не может быть описан возвышенным и прекрасным языком. Позволю себе целиком привести небольшое стихотворение Степана Фрязина «Горельеф в Северной Пальмире» – мне, выросшей в Петербурге, до сих пор больно от происшедшего:

Кувалдой разбили Мефисто,
Иронию его на лице не стерпеть.
Теперь фасада совесть пречисто
Отражает закат и рассвет.
Ушла шутливая Шаляпина поза
И храбростью Россия спасена!
Увы не заметили у статуи слёзы,
Как беззащитна бывает она...

Степан Фрязин перекинет нам мостик в следующую (заключительную) часть заметок, где вынырнет его двойник Стефано Гардзонио.

Пейзажи. Жизнь современной русской поэзии в Италии

«Твой итальянский ум, и с нашим очень сходный!».

Е. Баратынский

До того, как я принялась за эти заметки, я и не подозревала, как интенсивно изучают современную русскую поэзию в Италии, а, главное – как любят её. Речь идёт не о массовом читателе, но пласт людей, горящих русской поэзией, воистину весом! Выходят антологии и сборники, публикации в журналах, пишутся статьи. В университетах, разбросанных по Италии, русскую поэзию анализируют и переводят слависты разных поколений.

Назову лишь несколько имён в алфавитном порядке (список далеко не полон): Аннелиза Аллева, Серена Витале, Паоло Гальваньи, Стефано Гардзонио, Франческа Кесса, Адальберто Маинарди, Мауро Мартини, Массимо Маурицио, Алессандро Ниеро, Джованна Парравичини, Карло Риччио, Марко Саббатини, Клаудиа Скандура, Пауло Статути. Те из

них, с кем мне посчастливилось пообщаться в ходе работы над заметками, владеют русским, как мы (может быть, и лучше), и ориентируются в современной русской поэзии, как рыбы в воде, легко оперируя именами, фактами и цитатами.

На протяжении последних двадцати лет выходили подробные антологии, которые составили А. Аллева, П. Гальваньи, М. Мартини и М. Маурицио – и в этом они продолжают богатую традицию антологий XX века Р. Поджоли, А.М. Рипеллино, Дж. Буттафава, К. Риччио и других. А ряд современных русских поэтов был издан отдельными сборниками.

Назову также несколько издательств: «Crocetti» (Рим), «Einaudi» (Турин), «Scheiwiller» (Милан), «Terza Ferma» (Тревизо); «Diabasis» (Редджио Эмилия); «Interlinea» (Новара), «Passigli» (Флоренция), «Miraggi» (Турин), «Stilo» (Бари); «Mimesis» (Милан); «Gattomerlino» (Рим); «Transeuropa» (Масса).

Русская поэзия и статьи о ней выходят в журналах: «Poesia»; «Slavia»; «Semicerchio»; «In Forma di Parole», и в интернет-журнале с остроумным названием «eSamizdat.it».

Тем, кто хочет узнать об этом подробнее, я рекомендую статью Стефано Гардзонио «Современная русская поэзия в итальянских переводах», вышедшую в журнале «Просодия» (№4, весна-лето 2016). Статья также содержит интереснейшие размышления о проблемах перевода русской поэзии на итальянский. В итальянской поэзии верлибр стал ведущим размером, в том числе и в практике перевода – в то время как в России он не завоевал такую роль. Стефано Гардзонио отмечает, что «некоторые тексты русской современной поэзии стимулируют возобновление в итальянской поэзии интереса к регулярному стиху и к рифме. <...> Перевод русских стихов невольно ставит вопрос о сегодняшнем отношении к метрическим традициям самой итальянской поэзии».

Важную роль в поддержке поэтов играет мемориальный Фонд Бродского. Ещё осенью 1995 года Иосиф Бродский обратился к главе Римской мэрии с идеей создания Русской Академии в Риме. В своём письме Бродский напомнил мэру о русско-итальянских культурных связях, существовавших до советской революции. «Нет сомнения в том, что Итальянская культура – мать Русской эстетики, однако на протяжении семидесяти лет этого века ребенок разлучен с матерью». «Италия была откровением для русских художников, а теперь она может стать источником возрождения» – писал он.

Фонд Иосифа Бродского был основан друзьями и близкими поэта вскоре после его смерти для того, чтобы воплотить эту идею. Среди небольшой группы учредителей стипендии были Мария Соццани Бродская, Энн Шелберг, сэр Исайя Берлин, Дмитрий Лихачев, Мстислав

Ростропович. С 2000 года фонд предоставляет поэтам и художникам из России возможность посвятить несколько месяцев творческой работе в Риме. Такую возможность получили уже более 50-ти поэтов и художников – как признанных, и так и начинающих. Среди них – Тимур Кибиров, Елена Шварц, Сергей Стратановский, Владимир Строчков, Михаил Айзенберг, Елена Фанайлова, Дмитрий Веденяпин, Борис Херсонский.

Основатели фонда были убеждены, что стипендия позволит русскоязычным поэтам и художникам познакомиться с художественным сообществом из других стран, вдохновиться памятниками живого, древнего города в самом центре европейской культуры. Кроме того, они считали, что реализация идеи Иосифа Бродского, а не создание памятников и мемориальных камней, будет лучшим делом в память о поэте. Подробную информацию можно найти на сайте фонда www.josephbrodsky.org/ru

Наконец, упомяну о Международном конкурсе молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий». Конкурс был основан в 2006 году княжной Еленой Волконской и проводился при поддержке посольства России в Италии, библиотеки-фонда «Русское зарубежье» и мэрии Рима. Жюри возглавлял поэт, переводчик и эссеист, главный редактор журнала «Зарубежные записки», редактор журнала «Эмигрантская лира» Даниил Чкония. Победителями конкурса становились молодые поэты из таких разных стран, как Молдавия, Израиль, Великобритания, Германия, Финляндия, Чили.

Елена Вадимовна Волконская родилась в Риме в 1926 году в семье бывшего офицера Белой армии. Она приходилась внучкой председателю Совета министров Российской империи Петру Столыпину и правнучкой декабристу Сергею Волконскому. К сожалению, после её смерти в октябре 2011 года конкурс «Ветер странствий» проходил ещё только один раз, в 2012 году, просуществовав, таким образом, 7 лет.

За скобками

Это далеко не всё, о чём хотелось бы рассказать. Например, было бы замечательно поговорить о выдающихся итальянистах Евгении Солоновиче и Галине Муравьёвой, которые внесли и вносят огромный вклад в дело поэтического перевода. О Викторе Куллэ, который, подобно Мандельштаму, выучил язык Италии из любви к её литературе – в частности, к стихам Микеланджело, весь корпус поэзии которого он в итоге перевёл, сделав при этом ряд филологических открытий. Надеюсь, этот труд будет полностью опубликован. Об издательстве

Игоря Улангина, активно знакомящего русских читателей с современными иностранными (в том числе, конечно, итальянскими) поэтами и соединяющего зарубежных поэтов и славистов с российскими переводчиками.

Но приходится ставить точку. Напоследок скажу: на мой взгляд, эмиграции больше нет. Мир открыт. Италия становится не утраченным раем, а обретенной реальностью. Вот она, в окне. И даже если поэт чувствует себя вечным странником, стоит особняком – это не потому, что он эмигрант, а потому, что он – поэт.

Я благодарю за помощь в подготовке этих заметок Стефано Гардзонио, Виктора Куллэ и Массимо Маурицио.

Михаил Юдовский. «В Брюгге».
Холст, масло, 60х80 см.